

Преследование информбюровцев в Югославии

Аннотация: Цель статьи – составление обобщенной картины репрессий против информбюровцев (сторонников СССР) в период советско-югославского конфликта. Систематическое освещение этой проблемы в российской историографии отсутствует, а в республиках бывшей Югославии оно весьма неполно, поскольку центральные архивы югославских спецслужб до сих пор закрыты для исследователей. Хронологические рамки исследования охватывают период 1948–1953 гг. Процесс принятия решений о репрессиях на уровне высшего партийного руководства Югославии и организации публичной травли информбюровцев автор не затрагивал. Работа выполнена на эмпирическом уровне исследования с применением методов историко-критического анализа, систематизации и типологизации, поскольку существующая степень разработки проблемы пока требует изысканий на уровне четкого установления фактов. В результате сравнительного изучения пока еще фрагментарной статистики репрессий, впервые обоснована численность репрессированных и взятых на учет сторонников Коминформбюро в Югославии. Дана характеристика правовой базы репрессий и проведено приблизительное распределение репрессированных по видам наказания. В этом контексте описаны условия содержания заключенных, в особенности в основном лагере на Голем острове.

Annotation: The aim of this article is to draw a general picture of the repressions against the supporters of the Communist Information Bureau resolution of June 28, 1948 (adherents of the USSR) in the period of the Soviet-Yugoslavian conflict. A systematic coverage of this problem is altogether absent from Russian historiography and is significantly incomplete in the republics of former Yugoslavia, because the central archives of the Yugoslavian intelligence services are still closed to researchers. The chronological frame of this study covers the period from 1948 to 1953. The author did not address the decision-making process at the highest level of the Yugoslavian party officials on commencing repressions, nor the organizing of the public persecution of the supporters of Cominform. The work is based on an empirical level of research with the application of the methods of historico-critical analysis, systematization and typologization, because the current state of the subject's development still requires investigation on the level of ascertainment of facts. As a result of a comparative study of the still fragmented repression statistics, for the first time there is support for an estimation of the number of repressed and registered adherents of the Communist Information Bureau in Yugoslavia. This is accompanied by a description of the legal basis for the repressions and an estimated distribution of the repressed by court sentences. The detention conditions of the prisoners, especially in the labor camp of the Goli Otok, are also described in this context.

Ключевые слова: история, Югославия, информбюровцы, политические репрессии, статистика, советско-югославский конфликт, Гольи остров, судебные приговоры, историография, спецслужбы.

Key Words: history, Yugoslavia, Information Bureau adherents, political repressions, statistics, Soviet-Yugoslavian conflict, Goli Otok Island, court sentences, historiography, intelligence agencies.

Политические репрессии, вызванные в Югославии советско-югославским конфликтом, – достаточно распространенная тема в историографии бывших югославских республик, где по этой проблеме существует обширная литература. Информбюровцы, сторонники СССР в конфликте 1948–1955 гг., часто попадают в поле зрения историков и публицистов, чего не скажешь об изучении этой темы на постсоветском пространстве. Тем не менее, даже в бывшей Югославии изучаются лишь отдельные аспекты

проблемы. В частности, не предпринимались попытки дать сводную картину репрессий против информбюровцев. Этому вопросу и посвящена данная статья.

Как известно, советско-югославский конфликт первоначально развивался в скрытой форме и принял открытый характер 28 июня 1948 г. после публикации резолюции Коминформбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии». Те, кто хотя бы частично поддерживали эту резолюцию, были обозначены в тогдашнем политическом лексиконе Югос-

лавии термином «информбюровцы» и его синонимами: «коминформовец», «информбаш», «ибоевец» и даже просто ИБ. Наконец, тех из них, кто отбыл заключение в тюрьме или лагере, называли «мермерашами» – от слова «мермер» (мрамор). На Голем острове, где был создан основной лагерь для осужденных информбюровцев, добывался мрамор, и отсюда возник этот эвфемизм, которым обозначали в партийных документах места их заключения.

По мере того как советско-югославский конфликт приближался к выходу в открытую стадию, Политбюро ЦК КПЮ предприняло шаги по расширению круга лиц, проинформированных о сути конфликта. Эти действия прошли через три фазы. Сначала ознакомили политический актив в центральном аппарате, затем – на уровне республик и среднего звена управления на местах, а потом, сразу после обнародования резолюции, провели ее обсуждение среди рядовых партийцев и низового партаппарата.

Обсуждение резолюции Коминформбюро как в среднем звене, так и среди рядовых партийцев строилось по одной схеме: каждый член партии должен был сформулировать свое отношение к резолюции, а твердые сторонники линии ЦК все эти мнения фиксировали. Как отметил 3 июля 1948 г. член ЦК КПЮ и первый секретарь ЦК Коммунистической партии Хорватии Владимир Бакарич, «за всеми колеблющимися людьми нужно внимательно смотреть и следить за их поведением»¹. Судя по всему, в ЦК КПЮ предвидели, что эти записи могут потом пригодиться, и уже тогда взяли курс на выявление сторонников резолюции Коминформбюро и колеблющихся как потенциальной пятой колонны. С момента выхода резолюции и до середины 1960-х гг. эти люди находились под наблюдением партийных органов и Управления госбезопасности (далее – УГБ). По позднейшим данным, неоднократно приводившимся как в югославской, так и в советской и российской литературе, с 1948 по 1963 г. было выявлено 55 663 человека, взятых под наблюдение².

В связи с этим необходимо сказать несколько слов об одной ошибке, которая возникла в 1991 г. и с тех пор циркулирует в российской

историографии. Ю. С. Гиренко, приведя число 55 663, ошибочно отнес всех этих людей к членам КПЮ и сравнил эту цифру с численностью партии на момент V съезда КПЮ в июле 1948 г.³. Его ошибку повторили В. Гаврилов и Н. Васильева и коллектив монографии «Москва и Восточная Европа»⁴. Между тем, Драган Маркович, у которого Ю. С. Гиренко позаимствовал эти сведения, прямо пишет: «В период с 1948 г., когда обнародована Резолюция Информбюро, и до 1963 г. органы внутренних дел Югославии зарегистрировали 55663 лица, которые различными способами поддерживали акцию Москвы и восточного лагеря против нашей страны»⁵. Поэтому сравнение Ю. С. Гиренко содержит двойную ошибку. Во-первых, основной массив учтенных информбюровцев сложился не ранее 1952 г. После этого рубежа список неблагонадежных лиц пополнялся очень медленно. Потому правильной было бы проводить сравнение числа информбюровцев с количеством членов партии накануне VI съезда, прошедшего в ноябре 1952 г. Во-вторых, не все информбюровцы были членами КПЮ, среди них встречались беспартийные. По отношению к общей массе они составляли меньшинство, однако их удельный вес до сих пор точно не установлен. Например, в Черногории на протяжении 1948 г. за поддержку резолюции Информбюро были арестованы 53 члена партии и 20 беспартийных⁶. Поэтому то сравнение, которое приводит Ю. С. Гиренко, недопустимо.

По информации советских дипломатов, уже 30 июня 1948 г. спецслужбы Югославии получили распоряжение об аресте тех, кто выступает за Коминформбюро⁷. Репрессии в отношении информбюровцев начали применяться постепенно с осени 1948 г. и усиливались по мере углубления советско-югославского конфликта.

Правовая база преследований в основном опиралась на законодательство предыдущих лет, и лишь норма об административном на-

³ Гиренко Ю. С. Сталин–Тито. М., 1991. С. 391.

⁴ Васильева Н. В., Гаврилов В. А. Балканский тупик?... (Историческая судьба Югославии в XX веке). М., 2000. С. 248; Васильева Н. В., Гаврилов В. А., Миркикин В. А. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М., 2005. С. 290–291; Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории / Под ред. А. Ф. Носковой. М., 2008. С. 588–589.

⁵ Marković D. Op. cit. S. 15.

⁶ Kovačević B. O Informbirou u Crnoj Gori // 1948. Jugoslavija i Kominform: pedeset godina kasnije. Beograd–Podgorica, 1998. S. 135.

⁷ Москва и Восточная Европа. С. 588.

¹ Zapisnici Politborea Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. Zagreb, 2005. Sv. 1. S. 485.

² Lakić Z. Jugoslovenska 1948. u memuaristici // Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948. godine. Zbornik radova sa naučnog skupa. Beograd, 1999. S. 304; Marković D. Istina o Golom otoku. Beograd, 1987. S. 15; Radonjić R. Izgubljena orijentacija. Beograd, 1985. S. 73.

казании исправительно-трудовыми работами была принята в 1948 г. специально для информбюровцев⁸. Методы воздействия на противника были разнообразными: отправка на пенсию (для офицеров Югославской армии и госчиновников); исключение из партии, не влекущее за собой лишение свободы; принудительная отправка на неоплачиваемый «добровольный» труд, перевод в дисциплинарные батальоны (для военнослужащих); административные наказания для гражданских лиц, предполагавшие исправительно-трудовые работы на срок от 6 месяцев до 2 лет, с возможностью удвоения срока по усмотрению лагерной администрации; судебные приговоры для военных и работников МВД, обычно предполагавшие тюремное заключение (максимальный срок до 20 лет)⁹. Смертные приговоры были вынесены лишь в нескольких случаях.

Примерно три четверти приговоренных к лишению свободы отбывали заключение в лагерях на островах Гюль и Св. Гргур. Помимо того они содержались в тюрьмах Билечи, Старой Градишки, Рачского Рита, Забелы, в лагерях на островах Углан и Раб¹⁰.

Недавно эту картину дополнили хорватские историки. Они установили, что суды выносили приговоры не только работникам силовых ведомств, но и гражданским лицам. Однако в этом вопросе еще очень много неясного. Например, в каких случаях это происходило? З. Раделич указывает, что через суд репрессировали граждан, которые по службе, родственно или дружески были связаны с военными, полицейскими и работниками УГБ¹¹. По сведениям М. Превишича, на суд обычно попадали гражданские лица, обвиняемые в диверсиях, участии «в сложной организации», занимавшейся пропагандой или сотрудничеством со странами Коминформбюро¹². Далее, нет никаких оценок общего числа судеб-

ных приговоров гражданским лицам в масштабе всей Югославии, хотя в качестве отправной версии можно предположить, что оно составляло около 5 % от числа всех репрессированных. Наконец, неясно, как отражены эти приговоры в общей статистике репрессий, к проблемам которой мы и перейдем.

В бывшей Югославии до сих пор нет единого мнения о числе репрессированных информбюровцев. Архивы спецслужб СФРЮ по-прежнему закрыты. К 2008 г. Архив Сербии получил от бывших спецслужб 64 327 досье и 300 тыс. страниц других материалов, включая 15 тыс. досье информбюровцев. По-видимому, там и содержится интересующая нас статистика, но соответствующий фонд для исследователей недоступен¹³. Поэтому историки до сих пор не пришли к окончательному выводу о том, сколько человек пострадали.

Одну из последних по времени сводок существующих чисел дали в 2009 г. сербские историки М. Митрович и С. Селинич. Их данные интересны тем, что опираются на новейшие архивные изыскания. Обратившись к партийным архивам, они нашли оценку, относящуюся к 1956–1957 гг. Тогда в организационно-политическом секретариате ЦК Союза коммунистов Югославии (далее – СКЮ) число информбюровцев определяли в 15–16 тыс. чел. В 1958 г. информбюровцев пересчитали и вышли на цифру 27 364 чел. Впрочем, в организационно-политическом секретариате это число быстро признали завышенным. Наконец, «по данным УГБ, появившимся на основе анкеты, проведенной в конце 1963 г., бывших сторонников Резолюции Информбюро, к которым применялись законные санкции (осужденные и административно наказанные), затем тех, которые арестованы и отпущены из следственного изолятора, исключенных из КПЮ, исключенных из ЮНА¹⁴ или отправленных на пенсию из ЮНА было в совокупности 30 113»¹⁵. Примечательно, что ссылку эти авторы дают на Архив Словении – сербские архивы еще хранят свои тайны.

К этому перечню можно добавить еще два числа. А. Ранкович в ноябре 1952 г. на VI съез-

⁸ Radelić Z. Pripadnici Udbe u Hrvatskoj osuđeni zbog Informbiroa // Časopis za suvremenu povijest. 2010. № 2. S. 387.

⁹ Даниловић Р. Употреба непријатеља. Политичка суђења 1945–1991. у Југославији. Ваљево, 1993. С. 127; Gabrić A. Informbirojevstvo na Slovenskem // Prispevki za novejšo zgodovino. 1993. №1–2. S. 163; Kosić I. Dodatak II. izdanju knjige «Goli otok, najveći Titov konclogor» // Udruga Goli Otok 'Ante Zemljar'. URL: <http://www.goli-otok.hr/index.php?task=informbureau&act=ik>.

¹⁰ Kovačević B. Op. cit. S. 142; Marković D. Op. cit. S. 97; Radonjić R. Op. cit. S. 79.

¹¹ Radelić Z. Op. cit. S. 387.

¹² Previšić M. Djelovanje «ibeovaca» na području Slavnskoga Broda 1948.–1955. // Scrinia Slavonica. 2010. №10. S. 408–409; Previšić M. «Informbiro» križevačkog kotara 1948.–1958. godine // Cris – časopis Povijesnog društva Križevci. 2009. № 11. S. 113.

¹³ Цветковић С. Како је спаљено пет километара досијеа УДБ-е // Архив: часопис Архива Србије и Црне Горе. 2008. № 1–2. С. 75, 84.

¹⁴ Югославская народная армия.

¹⁵ Митровић М., Селинич С. Југословенска информбиоровска емиграција у источноевропским земљама, 1948–1964. // Токови историје. 2009. № 1–2. С. 32.

де КПЮ/СКЮ определил численность административно наказанных в 11 128 чел. и 2 572 чел. по приговорам судов, т.е. всего 13 700 чел.¹⁶. Такова минимальная оценка числа репрессированных. А максимальную приводит в своих трудах Драгослав Михайлович, сербский писатель, который своей судьбой и взглядами очень напоминает А. И. Солженицына. Ссылаясь на свой разговор с бывшим начальником Службы безопасности и секретарем внутренних дел Сербии Обреном Джорджевичем, Михайлович указывает, со слов своего информатора, что за поддержку Информбюро в лагерях побывали 55–60 тыс. чел.¹⁷ При этом якобы существовала в одном экземпляре рукописная книга, содержащая имена всех репрессированных, и якобы она еще до 1995 г. могла быть уничтожена.

В то же время в югославской исторической науке циркулировали совсем иные цифры, которые определяли численность репрессированных в 16 288 чел., из них 11 211 осуждены в административном порядке и 5 077 различными судебными органами (4392 собственно судами и 685 «специальными учреждениями»). Эти данные впервые ввел в научный оборот черногорский профессор Р. Радоньич в 1985 г.¹⁸ Радоньич прекрасно информирован о деятельности подпольных «информбюровских» групп на протяжении всей их истории. Это рождает у читателя книги твердую уверенность, что автора снабдили данными югославские спецслужбы. Об этом же практически прямым текстом пишет в предисловии к книге историк Чедомир Штрабац¹⁹. Однако Р. Радоньич нигде не указал источник своей информации, и поэтому историки имели полное право отнести к ней с недоверием и поставить ее под сомнение. Как бы то ни было, более полной статистики национального, социального и профессионального состава информбюровцев никто не приводил.

В 1987 г. свои данные о масштабе репрессий обнародовал публицист и журналист Д. Маркович, и тоже без ссылки на источники. По его сведениям, жертвами репрессий стали 16 731 чел., из них 11 694 осуждены в административном порядке и 5 037 в судебном. К оценкам Марковича присоединился и известный югославский исто-

рик Б. Петранович²⁰. Почему числа Марковича превосходят данные Радоньича, до сих пор остается непонятным. Однако есть основания полагать, что два этих автора ближе к истине, чем кто бы то ни было.

Внести ясность в вопрос о численности репрессированных информбюровцев стало возможно лишь после 2009 г., когда хорватский историк И. Косич обнародовал информацию о важной находке в Хорватском государственном архиве. И хотя она представлена в свободном доступе в интернете – на сайте одного из обществ узников Голого острова, внимания на нее пока не обратили²¹.

В ХГА И. Косич нашел «Список наказанных общественно-полезными работами и осужденных по Информбюро». Этот документ был составлен в Союзном секретариате внутренних дел и отправлен 2 июля 1963 г. хорватскому УГБ для сверки, потому что составители не исключали наличие ошибок. Косич полагает, что данный список разослали во все республики. Очень важно отметить, что он охватывает всю Югославию и содержит данные не только по арестованным УГБ, но и по тем лицам, что были арестованы армейской контрразведкой (прежде некоторые исследователи полагали, что эти списки существовали раздельно). Документ включает только прямо лишенных свободы²² за поддержку Коминформбюро. В списке 16 101 чел. (15 173 мужчины и 928 женщин).

И. Косич провел сверку списка по другим доступным ему источникам и обнаружил 31 человека, которые точно побывали в заключении, но в список не попали. Таким образом, данные списка занижены. Но общий итог его проверки положительный: «...Общий список не совершенен, но может послужить основой для анализа попавших в тюрьмы “информбюровцев”»²³.

Теперь сопоставим список с уже известными нам данными. Сведения хорватского списка 1963 г. наиболее близки к оценке организационно-политического секретариата ЦК СКЮ 1956–1957 гг. и данным Р. Радоньича и Д. Марковича. Обратим внимание, что они оба тоже приводят свои данные по состоянию на

¹⁶ Gabrič A. Op. cit. S. 169.

¹⁷ Михайлович Д. Голи оток. Београд, 1995. Књ. 3. С. 117.

¹⁸ Radonjić R. Op. cit. S. 79.

¹⁹ Ibid. S. 9-10.

²⁰ Marković D. Op. cit. S. 17, 79, 229; Petranović B. Istorija Jugoslavije, 1918–1988. Beograd, 1988. Knj. 3. S. 232.

²¹ Kosić I. Op. cit.

²² И. Косич считает, что существовали как прямые, так и косвенные формы лишения свободы, например, принудительная отправка в стройотряды.

²³ Kosić I. Op. cit.

1963 г. Однако их числа больше, чем в хорватском списке: у Радоньича – на 187, а у Марковича – на 630 человек. Здесь нужно принять во внимание, что анализ И. Косича показал, что данные хорватского списка неполны и занижены, да к тому же это черновик. И тогда несоответствие в 187 или 630 человек находит объяснение. Напрашивается предположение, что во второй половине 1963 г. республиканские отделения УГБ дополнили черновой список, отправили свои уточнения в Белград, и там их к концу года свели воедино. А затем, спустя 20 лет, предоставили данные в распоряжение проф. Р. Радоньича.

Это предположение находит два подтверждения. Первое содержится в информации, обнародованной в 2009 г. М. Митровичем и С. Селиничем. Как уже упоминалось, они выявили в Архиве Словении общесоюзные данные по информбюрорцам, составленные УГБ именно в конце 1963 г.²⁴ Правда, эти данные существенно отличаются от хорватского списка по числу лиц, но к объяснению этого отличия мы обратимся несколько позже. Однако нам сейчас важно констатировать, что работа по составлению сводных списков информбюрорцев на списке, обнаруженном Косичем, не прервалась и была завершена в конце все того же 1963 г.

Во-вторых, более детальный анализ чисел в списке Косича и в книге Радоньича демонстрирует их пропорциональность. Так, Косич сообщает, что армейская контрразведка арестовала 3592 чел. из его списка или 22% от общего числа, а Радоньич называет цифру 3678 чел. (22,6%), ровно столько же, сколько и Маркович²⁵. Эта закономерность заметна и на примере национального состава осужденных. Для удобства мы отразили его в сравнительной таблице. Но прежде чем анализировать ее данные, необходимо дать комментарий по ее составлению.

Если сложить все числа, приводимые Радоньичем в таблице национального состава информбюрорцев²⁶, то обнаружится, что они не дают заявленной им суммы 16 288. То же получается и с суммой процентных долей – она меньше 100% (см. таблицу 1). Радоньич допустил при составлении таблицы несколько ошибок, которые выявляются при сопоставлении с текстовым комментарием к ней.

²⁴ Митровић М., Селинић С. Указ. соч. С. 32.

²⁵ Kosić I. Op. cit.; Marković D. Op. cit. S. 229; Radonjić R. Op. cit. S. 81.

²⁶ Radonjić R. Op. cit. S. 77.

Таблица 1

Национальная принадлежность арестованных и осужденных информбюрорцев

Исходные данные таблицы Р. Радоньича			Уточненные данные
Национальность	Всего	%	Всего
Всего по Югославии	16288	100	16288
Из них:			
Сербы	7235	44,41	7235
Хорваты	2588	15,88	2588
Словенцы	566	3,41	556
Македонцы	883	5,42	883
Черногорцы	3439	21,13	3439
Албанцы	436	2,67	436
Венгры	244	1,49	244
Турки	7	0,04	7
Итальянцы	87	0,53	87
Румыны	22	0,13	22
Болгары	251	1,54	251
Чехи	63	0,38	63
Прочие и неизвестно	202	1,24	477

Так, Радоньич пишет: «В категории «неизвестно» было 202 человека или 1,24%. Все остальные (чехи, австрийцы, русские, итальянцы, румыны, турки, французы, югославы, поляки, русины, греки, египтяне, бразильцы и «неопределенные») составили 454 человека или 2,78 %»²⁷. Таким образом, объединив в таблице рубрики «прочие» и «неизвестно» Радоньич потерял несколько сотен человек. Размер потери поддается подсчету. Из перечня национальностей, названных в комментарии, Радоньич включил в таблицу данные по чехам, итальянцам, румынам и туркам. Их общая численность – 179 чел. Если вычесть эту сумму из числа 454, то в итоге получим 275 чел. Таким образом, чтобы исправить таблицу Радоньича, нужно к числу тех, чья национальность неизвестна (202), помещенному в строке «Прочие и неизвестно», прибавить 275. Таким образом, количество людей, отнесенных в эту рубрику, составит 477 чел.

Но и после проведенной корректировки сумма чисел в таблице Радоньича не сходится с итогом и составляет 16298. Радоньич допустил еще одну ошибку. Она связана с числом словенцев. В сопроводительном тексте он указывает число 556, а в таблице – 566. Сравнение этих чисел с процентными долями каждой национальности, которые приводятся в той же таблице,

²⁷ Ibid. S.76.

Таблица 2

	Сербы	Хорваты	Словенцы	Македонцы	Черногорцы	Албанцы	Прочие и неизвестно	Всего
Радоньич (уточненные данные)	7235	2588	556	883	3439	436	1151	16288
Косич	7076	2561	567	801	3468	431	1197	16101
Отклонение данных Косича от данных Радоньича, %	- 2,2	- 1,0	+ 2,0	- 9,3	+ 0,8	- 1,1	+ 4,0	- 1,1

показывает, что правильное число – 556. С этой поправкой мы, наконец, выходим на итоговое число 16 288.

Теперь можно непосредственно сопоставить данные И. Косича и Р. Радоньича. Однако для этого необходимо провести еще одну перегруппировку чисел. Косич указывает статистику лишь для шести национальностей, тогда как Радоньич – для двенадцати. Чтобы числа можно было сравнивать, необходимо сложить данные Радоньича по венграм, болгарам, чехам, итальянцам, румынам и туркам с графой «прочие и неизвестно». В сумме это даст 1151 чел. В результате получаем следующую картину (табл. 2).

Сравнение данных по национальности подтверждает близость списков Косича и Радоньича. Отклонения в них невелики. В процентном выражении относительно большой разрыв есть только по македонцам. Итак, можно говорить о том, что данные списка Косича являются черновым вариантом статистических данных Радоньича.

Достоверность сведений Радоньича и их происхождение из списков УГБ находит еще одно подтверждение в свидетельствах Д. Михайловича. Как уже отмечалось, его информатор, начальник Службы безопасности Сербии О. Джорджевич, видел некий сводный список информбюровцев, охватывающий 55–60 тыс. чел. А теперь вновь обратимся к Радоньичу. Общее число информбюровцев он определяет в 55 663 чел., что довольно близко к свидетельству Джорджевича. Если учесть, что оно дошло до нас через вторые руки, будучи передано по памяти, то можно сделать вывод, что речь идет об одних и тех же цифрах. Принципиальная ошибка Михайловича (и/или его информатора) состоит лишь в том, что за этими цифрами не стоят репрессированные. Вернее, они там есть, но составляют лишь часть – от 16 288 до 16 731 чел. Все остальные – это лица, попавшие под подозрение и наблюдение спецслужб, однако в силу каких-то причин не подвергшиеся аресту. Вот что пишет Радоньич: «...В период 1948–1963 гг. (когда такой учет велся) в пользу коминфор-

мовщины в Югославии определились, или в определенное время таковыми считались, лишь 0,32 % ее жителей. Иначе говоря, в отмеченный период в Югославии зарегистрировано 55 663 osoby, которые враждебно действовали и выступали с коминформовских позиций, высказывались за резолюцию Коминформа или были зарегистрированы как сомнительные в этом смысле»²⁸.

Теперь у нас появляется возможность объяснить расхождение между словенскими данными, с одной стороны, и статистикой Радоньича и Марковича – с другой. М. Митрович и С. Селинич указали, что в словенской статистике речь идет только о лицах, к которым применялись какие-либо санкции²⁹. А данные Радоньича и Марковича охватывают в одном случае только лишенных свободы, а в другом – всех неблагонадежных граждан. Естественно, словенские числа должны быть больше списка первых и меньше списка вторых.

Итак, в 1963 г. в УГБ были составлены окончательные списки, максимально полно учитывавшие всех информбюровцев. В малый список попали только репрессированные, а в большой были включены все взятые под подозрение, в том числе и те, кто подвергся наказанию. Затем Р. Радоньич в 1985 г. опубликовал основные итоговые сведения УГБ по репрессированным и зарегистрированным информбюровцам, в 1987 г. его дополнил Д. Маркович, и едва ли в распоряжение историков попадет более точная статистика, чем эта. С учетом промежуточных словенских данных получаем три последовательно сужающихся круга информбюровцев:

- 1) граждане Югославии, заподозренные в сочувствии СССР – 55 663;
- 2) граждане, подвергшиеся за это каким-либо санкциям – 30 113;
- 3) граждане, лишенные свободы – от 16 288 до 16 731.

²⁸ Ibid. S.73.

²⁹ Митровић М., Селинић С. Указ. соч. С. 32.

Правда, в 1964 г. в союзном УГБ был составлен еще один список, куда включили эмигрантов-информбюровцев³⁰. В нем указаны 4 928 чел. Как он соотносится с остальными списками, еще предстоит выяснить.

Тем не менее, в свете всего изложенного вопрос о масштабе репрессий представляется в основном решенным. И хотя в Архиве Сербии сейчас находится закрытый для исследователей фонд союзного УГБ, в котором, видимо, и содержатся все эти списки информбюровцев, нет никакого смысла делать из них тайну. Все основные числа были опубликованы уже в 1985–1987 гг. Единственное, чем может помочь рассекречивание данных, – выяснить источник различий между сведениями Радоньича и Марковича и проставить архивные ссылки в их книгах.

Теперь мы можем распределить репрессированных по типам наказания. В административном порядке на срок от шести месяцев до двух лет в исправительно-трудовые лагеря были отправлены от 11 211 до 11 694 чел. Судебные приговоры, предполагающие более длительные сроки заключения в тюрьмах, были вынесены либо 5077, либо 5037 чел. Число таких приговоров в самом деле очень близко к общему количеству осужденных офицеров и работников МВД (5 078 чел.), которых репрессировали именно через суд. Вопрос о численности прошедших через суд гражданских лиц, как уже говорилось, остается открытым.

Наконец, среди наказаний, вынесенных судом, было и несколько смертных приговоров. К казни приговорили не менее 4 чел., но точно их общее количество мы установить не смогли. В 1987 г. Д. Маркович категорически настаивал, что были вынесены и приведены в исполнение лишь два приговора³¹. Но впоследствии эту цифру удвоил Б. Ковачевич. Он установил еще двух человек, казненных по приговору суда в Черногории³².

Не все погибшие информбюровцы расстались с жизнью на основании судебного приговора. Так, в той же Черногории 27 человек были убиты при оказании вооруженного сопротивления, еще несколько человек – «при попытке к бегству». Добавим к этому генерала А. Йовановича, убитого при переходе границы в Воеводине. Наконец, некоторые информбюровцы были

убиты после проникновения в Югославию из-за границы в составе вооруженных отрядов и диверсионных групп. Сколько их было, пока неизвестно, так как в югославской литературе приводится лишь общее число убитых и задержанных – 337 чел.³³

Статистика репрессий по годам выглядит следующим образом. В 1948 г. были арестованы 501 чел. (3,07 % от общего числа), в 1949 г. – 6260 чел. (38,43 %), в 1950 г. – 3019 чел. (18,43 %), в 1951 – 3 550 чел. (21,79 %), в 1952 – 1 407 чел. (8,63 %). Таким образом, пик репрессий приходится на 1949–1951 гг.³⁴. Считается, что первые массовые аресты начались с конца 1948 г., а наиболее активный характер они приняли во второй половине 1949 – начале 1950 г. Особенно подхлестнула репрессии вторая резолюция Коминформбюро «Компартия Югославии в руках шпионов и убийц», принятая 29 ноября 1949 г. в Будапеште.

Большая часть информбюровцев, прошедших через тюрьмы и лагеря, была осуждена в административном порядке. Следовательно, средний срок заключения информбюровцев должен быть меньше, чем у политических заключенных в сталинских лагерях. Однако более короткие сроки заключения компенсировались исключительно жестокими условиями содержания. Особенно суров был режим на Голем острове, где первый лагерь открылся 9 июля 1949 г.

О лагерях Голого острова в Югославии и ее бывших республиках существует обширная литература, состоящая из воспоминаний и публицистики. Еще в 1988 г. ее данные о режиме заключения систематизировал известный югославский историк Б. Петранович, и с тех пор ничего принципиально нового к этой картине не добавлено. Люди находились на острове в полной изоляции, они не получали ни писем, ни посылок. Вновь прибывших заключенных подвергали продолжительному избиению. Беспорядочные побои продолжались и позднее. Заключенные добывали камень, дробили его вручную, из моря брали песок, стоя по пояс в воде даже в самую холодную погоду. За невыполнение нормы полагались побои. Заключенный должен был покаяться, «признать все» и делом доказать, что исправился. В условиях лагеря исправление предполагало участие в издевательствах над теми, кто еще упорствует.

³⁰ Там же. С. 34.

³¹ Marković D. Op. cit. S. 68, 89.

³² Kovačević B. Op. cit. S. 141–142.

³³ Radonjić R. Op. cit. S. 105.

³⁴ Marković D. Op. cit. S. 229; Radonjić R. Op. cit. S. 60–61, 78, 93.

Раскаившиеся переходили в категорию «активистов» и усердствовали в преследовании своих товарищей по несчастью, которых лишали сна, гоняли, не давая спать, вешали на шею колючую проволоку, заставляли вручную чистить отхожие места, инсценировали расстрелы³⁵. Тяжелее всего приходилось так называемым «двухмоторным», т. е. информбюровцам, попавшим в лагерь вторично³⁶. Таким образом, лагерный режим ломал людей и физически, и психически, а чтобы выжить, сам информбюровец должен был уничтожать других. Как выразился историк Б. Ковачевич, система была основана на принципе «мучай другого, чтобы не мучили тебя»³⁷. Историк Голого острова И. Косич отмечает: «Ненормально тяжелый труд, сопровождаемый зверскими пытками, крайне недостаточное и плохое питание, нехватка воды и самых основных гигиенических условий, отсутствие сна и разные вероломные формы психологического давления вели к полному истощению человеческого организма и его неспособности бороться против болезни и смерти»³⁸. По данным, которые обнаружил И. Косич в Хорватском государственном архиве, с 1949 по 1960 г. в местах заключения погибли 413 информбюровцев, в том числе в период наиболее жестоких преследований с 1949 по 1952 г. – 362 чел. Эти данные хорошо согласуются с информацией Р. Радоньича, который утверждал, что к середине 1951 г. число погибших составило 343 чел.³⁹

В тюрьмах, куда первоначально попадали в основном осужденные офицеры, режим содержания был лучше, чем в лагерях, хотя и там практиковались издевательства. Но в них был свой особо существенный минус. В этих же тюрьмах содержалось большое количество военных преступников и коллаборационистов, в первую очередь усташей и четников. «Большинство

из них работало в мастерских, были среди них и мастера, и так, когда прибыли ибеевцы, они завладели «бывшими партизанами», своими злейшими врагами, чтобы давать им уроки труда»⁴⁰. При попустительстве тюремной администрации свой более высокий статус они использовали для унижения информбюровцев.

Летом 1951 г. на Голом острове началась эпидемия дизентерии. Для борьбы с ней из Белграда был прислан врач Йован Биелич, который по возвращении доложил министру внутренних дел А. Ранковичу о сложившихся в лагере порядках⁴¹. В августе или сентябре 1951 г. А. Ранкович лично посетил Голой остров. Вопреки некоторым утверждениям⁴², его приезд повлек за собой лишь небольшие косметические изменения⁴³. Существенное смягчение тюремного и лагерного режима произошло только в 1953 г. В марте после смерти Сталина началась нисходящая фаза противостояния СССР и Югославии, а летом на Голом острове побывал известный сербский писатель Добрица Чосич. Об увиденных им порядках он доложил высшему партийному руководству, включая А. Ранковича. Лишь после этого физические и моральные издевательства над информбюровцами в лагерях и тюрьмах были ограничены, поменялась и администрация⁴⁴.

В связи с окончанием советско-югославского конфликта активные репрессии против информбюровцев прекратились. Большинство заключенных в декабре 1956 г. было амнистировано и выпущено на свободу⁴⁵, лагерь на Голом острове был перепрофилирован для содержания обычных уголовников. Впоследствии информбюровцы в Югославии пережили еще две волны арестов – в 1958 г. и в 1974 г., но их масштабы несопоставимы с преследованиями в период советско-югославского конфликта.

³⁵ На кафедре истории СССР в Одесском государственном университете в 1960–1980-е гг. работал один из бывших информбюровцев Вукашин Милич. По словам знавших его коллег, одним из самых ужасных испытаний, которые он пережил на Голом острове, была разгрузка с торговых судов протухших виноградных улиток. Рассказ этот представляется вполне вероятным, если учесть реалии того времени. Югославия тогда остро нуждалась в иностранной валюте и готова была экспортировать на Запад все что угодно, в том числе – и улиток во Францию. А опубликованные протоколы заседаний Хозяйственного совета ФНРЮ показывают, что экспортные планы в те годы часто срывались.

³⁶ Petranović B. Op. cit. S. 232–233.

³⁷ Kovačević B. Op. cit. S. 141.

³⁸ Kosić I. Op. cit.

³⁹ Radonjić R. Op. cit. S. 80.

⁴⁰ Marković D. Op. cit. S. 170.

⁴¹ Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1984. T. 3. S. 479; Marković D. Op. cit. S. 101.

⁴² Radonjić R. Op. cit. S. 80.

⁴³ Marković D. Op. cit. S. 103; Petranović B. Op. cit. S. 232–233.

⁴⁴ Djilas M. Rise and fall. San Diego; N.-Y.; L., 1986. P. 244; Marković D. Op. cit. S. 46, 86, 103, 214–215.

⁴⁵ Данилович П. Указ. соч. С. 128, 131.

Библиографија:

1. Гиренко Ю. С. Сталин – Тито. М., 1991.
2. Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик?... (Историческая судьба Югославии в XX веке). М., 2000.
3. Васильева Н. В., Гаврилов В. А., Миркинский В. А. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М., 2005.
4. Даниловић Р. Употреба непријатеља. Политичка суђења 1945–1991. у Југославији. Ваљево, 1993.
5. Митровић М., Селинић С. Југословенска информбироовска емиграција у источноевропским земљама, 1948–1964. // Токови историје. 2009. № 1–2.
6. Михаиловић Д. Голи оток. Београд, 1995. Књ. 3.
7. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории / Под ред. А. Ф. Носковой. М., 2008.
8. Цветковић С. Како је спаљено пет километара досијеа УДБ-е // Архив: часопис Архива Србије и Црне Горе. 2008. № 1–2.
9. Gabrič A. Inforbirejstvo na Slovenskem // Prispevki za novejšo zgodovino. 1993. № 1–2.
10. Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1984. Т. 3.
11. Djilas M. Rise and fall. San Diego; N.-Y.; L., 1986.
12. Kosić I. Dodatak II. izdanju knjige «Goli otok, najveći Titov konclogor» // Udruga Goli Otok 'Ante Zemljari'. Режим доступа: <http://www.goli-otok.hr/index.php?task=informbureau&act=ik>.
13. Kovačević B. O Informbirou u Crnoj Gori // 1948. Jugoslavija i Kominform: pedeset godina kasnije. Beograd – Podgorica, 1998.
14. Lakić Z. Jugoslovenska 1948. u memuaristici // Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948. godine. Zbornik radova sa naučnog skupa. Beograd, 1999.
15. Marković D. Istina o Golom otoku. Beograd, 1987.
16. Petranović B. Istorija Jugoslavije, 1918–1988. Beograd, 1988. Knj.3.
17. Previšić M. Djelovanje «ibeovaca» na području Slavnskoga Broda 1948. – 1955. // Scrinia Slavonica. 2010. № 10.
18. Previšić M. «Informbireo» križevačkog kotara 1948.–1958. godine // Cris – časopis Povijesnog društva Križevci. 2009. № 11.
19. Radelić Z. Pripadnici Udbe u Hrvatskoj osuđeni zbog Informbireoa // Časopis za suvremenu povijest. 2010. № 2.
20. Radonjić R. Izgubljena orijentacija. Beograd, 1985.
21. Zapisnici Politbireoa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. Zagreb, 2005. Sv.1.

References (transliterated):

1. Girenko Yu. S. Stalin – Tito. M., 1991.
2. Vasil'eva N., Gavrilov V. Balkanskii tupid?... (Istoricheskaya sud'ba Jugoslavii v KhKh veke). M., 2000.
3. Vasil'eva N. V., Gavrilov V. A., Mirkiskin V. A. Balkanskii uzal, ili Rossiya i «jugoslavskii faktor» v kontekste politiki velikikh derzhav na Balkanakh v KhKh veke. M., 2005.
4. Danilovich R. Upotreba neprijatelja. Politichka suđenja 1945–1991. u Jugoslaviji. Vaļevo, 1993.
5. Mitrovich M., Selinich S. Jugoslovenska informbireovska emigratsija u istochnoevropskim zemļama, 1948–1964. // Tokovi istorije. 2009. № 1–2.
6. Mikhailovich D. Goli otok. Beograd, 1995. Kњ. 3.
7. Moskva i Vostochnaya Evropa. Stanovlenie politicheskikh rezhimov sovetskogo tipa (1949–1953): Ocherki istorii / Pod red. A. F. Noskovo. M., 2008.
8. Tsvetkovich S. Kako je spraljeno pet kilometara dosijea UDB-e // Arkhiv: chasopis Arkhiva Srbije i Tsrne Gore. 2008. № 1–2.
9. Gabrič A. Inforbirejstvo na Slovenskem // Prispevki za novejšo zgodovino. 1993. № 1–2.
10. Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1984. Т. 3.
11. Djilas M. Rise and fall. San Diego; N.-Y.; L., 1986.
12. Kosić I. Dodatak II. izdanju knjige «Goli otok, najveći Titov konclogor» // Udruga Goli Otok 'Ante Zemljari'. Rezhim dostupa: <http://www.goli-otok.hr/index.php?task=informbureau&act=ik>.
13. Kovačević B. O Informbirou u Crnoj Gori // 1948. Jugoslavija i Kominform: pedeset godina kasnije. Beograd – Podgorica, 1998.
14. Lakić Z. Jugoslovenska 1948. u memuaristici // Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948. godine. Zbornik radova sa naučnog skupa. Beograd, 1999.
15. Marković D. Istina o Golom otoku. Beograd, 1987.
16. Petranović B. Istorija Jugoslavije, 1918–1988. Beograd, 1988. Knj.3.
17. Previšić M. Djelovanje «ibeovaca» na području Slavnskoga Broda 1948. – 1955. // Scrinia Slavonica. 2010. № 10.
18. Previšić M. «Informbireo» križevačkog kotara 1948.–1958. godine // Cris – časopis Povijesnog društva Križevci. 2009. № 11.
19. Radelić Z. Pripadnici Udbe u Hrvatskoj osuđeni zbog Informbireoa // Časopis za suvremenu povijest. 2010. № 2.
20. Radonjić R. Izgubljena orijentacija. Beograd, 1985.
21. Zapisnici Politbireoa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. Zagreb, 2005. Sv.1.